

У нее счастливая творческая судьба, огромная популярность, интересные работы в театре; зрители трижды называли ее лучшей киноактрисой года. В Центральном Доме работников искусств недавно состоялся ее творческий вечер, она почти три часа отвечала на вопросы собравшихся, и эти ответы легли в основу сегодняшней беседы. Итак, гостья нашей 13-й страницы — актриса Московского академического театра имени Вл. Маяковского, народная артистка РСФСР, лауреат Государственных премий СССР и РСФСР и премии Ленинского комсомола **Наталья Георгиевна Гундарева**.

— Наталья Георгиевна, как вы сами оцениваете ту или иную свою работу, по каким критериям?

— Никогда свою работу не оцениваю. Актерское дело для меня больше, чем профессия, это мой способ существования. Самые счастливые мгновения — когда выходишь на сцену и чувствуешь, что владеешь зрительным залом. «Вот сейчас надо, чтобы зрители смеялись, и они будут смеяться; а теперь надо, чтобы плакали, и они заплачут»... Я вижу каждого из вас, вижу, как постепенно меняется общее настроение зала. И, когда мне удается сделать так, что вы уходите из театра иными, нежели пришли, я готова вновь и вновь работать, искать, уставать, терзаться, не спать ночами. А если все остается так, как было до моего выхода на сцену, значит, сегодня я проиграла. Ни в чем не смогла убедить.

— Какие качества, на ваш взгляд, совершенно необходимы актеру?

— Если бы точно знать! Но, к сожалению (или к счастью), никому еще не удавалось найти безоговорочный ответ на этот вопрос. В чем не могу отказать себе, так это в работоспособности. Я очень работоспособный человек. И не надо думать, что все достается мне легко. Не я это «открыла»: даже самому талантливому человеку нужно очень много работать, чтобы его талант мог проявиться, раскрыться, развиться.

— Мы, зрители, нередко отождествляем личность актера с образами, которые он создает. Обоснованно ли такое отождествление?

— Нет, конечно. Хотя, знаете... Иногда можно отождествлять. Вот, скажем, сыграла я в картине Николая Губенко «И жизнь, и слезы, и любовь». И в картине «Подранки» (тоже Губенко). Сама я никогда не бывала в ситуациях, в которых оказались мои персонажи. Но твердо знаю: никогда не пожалела бы для ребенка тарелку супа... Бываю я злой? Конечно, бываю. В каждом человеке собрано и положительное, и отрицательное, одно больше проявляется, другое меньше. Какая бы ни была роль, в любом случае актер все равно видит не себя, а неба берет, он же из себя, изнутри, из своей души выковыривает и ненависть, и жадность, и измену, и щедрость, и благородство, и готовность к самопожертвованию.

— Какие черты характера вам особенно импонируют в людях?

— Я никого не препарирую мысленно. Принимаю людей такими, какие они на самом деле. Все, что для данного человека естественно, мне интересно.

— Наталья Георгиевна, расскажите о том, как поступали в театральное училище?

— О, история моего поступления в училище имени Щукина фантастична! В те годы я

была невероятных размеров, раза в три толще, чем сейчас. Мой папа повторял: «Пока вокруг тебя бежишь, Наталья, буханку хлеба успеешь съесть...» Поступление в театральное училище было еще и тем, что в это время я сдавала экзамены в инженерно-строительный институт. Но в один прекрасный вечер навестил меня давний приятель, который работал (и до сих пор работает) в театре имени Вахтангова. Змей-искуситель! Он сказал: «Старуха, ты с ума сошла. Тебе нужно быть актрисой! Ты же не сможешь сидеть восемь часов за кульманом: либо кульман обрушится, либо стул под тобой провалится...» Я решила внять его совету.

В «Щукинке» на одно место было 247 человек. До сих пор не пойму, как меня допустили к третьему, последнему туру творческого конкурса... К тому же, следовало принести свои документы в училище, а они находились в приемной комиссии МИСИ. Дома признаться нельзя, держу в секрете от родителей.

теру? Что они дают, а может быть, и отнимают?

— Что значит «проходные роли»? Пятнадцать лет работаю в театре имени Маяковского и, если бы сидела и ждала, когда мне дадут «основополагающие» роли (а их у меня за все время было в театре три — в «Банкроте», «Беге» и «Леди Макбет Мценского уезда»), то, наверное, просто разучилась бы играть. Роли, как вы называли их, «проходные» необходимы актеру. Никто ведь не удивляется, что спортсмен-бегун каждый день бежит. Или когда музыкант ежедневно играет гаммы. Так и актер. Какую бы грандиозную роль я сама по себе, без партнеров, ни приготовила, что делать с ней, если зритель ее не видит? Значит, когда что-то тебе предлагают конкретное, надо брать. «Проходные» роли помогают актеру постоянно находиться в рабочей форме. Что отнимают? Отнимают лишь в том случае, ес-

— Кто из актеров-мужчин кажется вам наиболее ярким, интересным?

— Опасно отвечать на такие вопросы, вдруг кого-нибудь забуду и он обидится... Очень нравится Михаил Александрович Ульянов. Удивительный, ни на кого не похожий человек. Не перестаю им восхищаться с тех времен, когда училась в училище. Он — личность. Умный человек, знающий, правдивый, честный. И превосходный, великий актер.

Нравится мне — по своим работам (лично с ним не знакома) Леонид Марков. Из тех, с кем довелось работать, — Александр Михайлов, Виктор Павлов, Виктор Проскурин, Сергей Шакуров.

— Как вы относитесь к театральному эксперименту, о котором сейчас столько пишут и говорят?

— Считаю его безусловно по-

дома» вошла мне прямо в сердце. Восприняла ее нутром. Реальный прототип у героини был. Мы снимали в одном детском доме, где в течение 17 лет работала женщина, у которой было два сына, кажется, усыновленных. Может быть, и нет. Я не могла касаться столь интимной темы. Но чувствовалось, что не так уж тут все просто... Роль у меня пошла сразу. Помните эпизод, когда директриса детского дома выступает с трибуны собрания педагогов и руководящих товарищей? Так вот, этот текст я выучила наизусть в одно мгновение, потому что это были мои собственные слова!

Эта тема — детский дом — проняла меня до глубины существа. Чтобы выбрать площадку для съемок, мы наведались во многие детские дома. Были в обыкновенных, были в показательных, где журчат фонтаны, устроены зимние сады и чудесно оформлены игровые комнаты. Но и тут, и там я читала в глазах детей один и тот же вопрос: «Почему?» Они не понимали, почему должны жить иначе, чем дети, которые учатся в школе рядом. Они же ничего плохого не совершили, они просто родились у этих родителей и самим своим рождением поставлены в особые условия, вне родного семейного дома.

Мы приезжали в детский дом на съемки. На верхних этажах там спальни, на нижних учебные классы. Звенел звонок на перемену, дети выходили из классов, смеялись, играли, ссорились, мирились. Как все дети. Но когда вечером мы уезжали или уходили домой, они провожали нас, стоя вдоль стенки, молча глядя и слушая. И как удар в сердце звучали для них наши нечаянно произнесенные слова: «Ох, сейчас приду домой, отдохну...» Мы никого не хотели обидеть этими словами, говорили неосознанно. А они — ни один из них — не могли пойти домой и понимали, что так будет в течение всего их детства. Это ранило меня в самое сердце. Вот почему речь, произнесенная в эпизоде собрания, была моей собственной речью.

— Работа в театре, в кино — неужели все подчинено ей? А обыденная жизнь Наталья Гундаревой, какова она?

— Да, все подчинено работе. Думаю о работе всегда — когда готовлю, стираю, когда убираю квартиру. Даже когда читаю, ловлю себя на мысли, что пытаюсь «выловить» нечто для роли. Вот такой калейдоскоп в голове. Если уж совсем закрутилась, сажусь и вяжу. Могу похвастаться, у меня хорошие кофточки получаются. Ну а когда совсем «лафа» — полный отдых, достаю акварельные краски и начинаю рисовать неимоверные цветы — ни на что не похоже, но мне самой они нравятся.

— Вы теперь маститая. Что можете сказать о современной молодежи?

— Молодые — сила! Если я не соглашусь с какими-то их мыслями, мне кажется, что в этом виновата я, а не они. Не считаю, будто я права потому, что у меня — жизненный опыт. Чепуха! Молодые знают больше, чем мы. Интересуются больше, чем мы. На них обрушивается прорва информации, они пытаются ее переварить, они хотят быть личностями, хотят жить многогранно. Хотят отличаться друг от друга и от нас. И это тоже молодое и замечательно!

— Ну, и личный (риторический) вопрос: нужна ли актрисе, для которой творчество — смысл жизни, семья?

— Семья? Желательна. Что ж ей (смеется) в одиночку ходить?

Гостью расспросил Юрий СЛАВИЧ.

Наталья Георгиевна Гундарева

И одна мысль сверлит: надо сделать что-то невероятное, чтобы произвести впечатление на комиссию в училище.

Гардероб у меня был невелик. Надела платье, усыпанное голубыми цветами. Стала похожа на необъятную цветочную клумбу: куда ни кинь взор, везде до горизонта — я. Завилась, нарисовала ресницы, брови, щеки, губы. Посмотрела на себя в зеркало: «Черт побери, только так и врежешься в память!». Иду по улице, и вдруг дождь... С тех пор я свою жизнь так делю: до Дождя и после Дождя. Такого дождя в Москве, по-моему, вообще до этого не бывало. Поток воды смыли мои кудри, мои щеки и, как мне казалось, даже цветы с платья... Вот в таком виде, в прилипшем к телу платье, я вошла в училище.

Дожидаюсь, пока меня вызовут. Смотрю — ребята вокруг красивые, девочки все стройные, и я между ними — как мокрый шар. Вызвали, вошла в аудиторию. За столом лучшие артисты-вахтанговцы, лауреаты, доценты, профессора... Пауза была долгой. Они о чем-то совещались, потом один театральный патриарх сказал нежно: «Нам понравилось, детка, как вы читали. Но и мои коллеги, и я никак не можем понять, как вы движетесь...» В общем, приняли. Хотя, повторяю, мне до сих пор непонятно, почему приняли...

— Как вы относитесь к «проходным» ролям? Нужны они ак-

ли к ним относиться, как к проходным. Ни к одной своей роли нельзя относиться, как к «проходной». Роль нужно либо честно брать, либо честно отвергнуть.

— Вы, наверное, знаете, что зрители вас любят. Не может ли сознание этого привести к самоуверенности?

— Да, полезно иной раз и «по мордасам» получать, чтобы не воспарить над всеми... Но я человек прямой и по отношению к самой себе. Среди многих своих работ, за которые иногда даже называют лучшей актрисой года, ясно вижу собственные неудачи. И мучаюсь. Жестоко мучаюсь. Признаюсь: не хочу потерять любовь зрителя. Да, не хочу, боюсь. И не могу находиться в простоте. Как наступает простой, мне кажется, что я уже никому не нужна. Иду, берусь за следующую и за следующую работу, хоть и понимаю, что не каждый раз стоило это делать. Но все равно иду... Надеюсь, что в материале, который предлагают, обрету возможность высказать свою гражданскую, свою жизненную позицию.

Когда-то, когда я впервые появилась перед зрителем, я, моей душе царилло чувство полнейшей безответственности. Зритель не знал меня — ни моего голоса, ни жестов, ни мыслей. Мне было легко. Но он стал ко мне привыкать. И теперь я не имею права обмануть его ожидания.

лезным, а может быть, и необходимым, причем уже не в плане эксперимента. Нужно предоставить больше самостоятельности людям, которые занимаются выпуском фильмов и спектаклей. Чтобы пьесы выбирал театр, а не «спускали» из управления Министерства культуры. Чтобы не репертком устанавливал репертуар, а каждый театр сам выбирал себе драматургию, которую он считает достойной. Чтобы сам театр отвечал за сборы, за свою хозяйственную целесообразность. В театрах работают граждане Советского Союза, они мыслят, они патриоты, они болеют за наше общее дело, общее благо народа, — почему же не доверить им ту работу, которую они, кстати, знают лучше, чем кто-либо? То же самое хотелось бы видеть и в среде кинематографистов.

И еще одна мысль. Нужны союзы творческих людей. Имею в виду нескольких творческих людей, объединившихся потому, что у них сходятся взгляды на искусство, на жизнь, на цели и пути в творчестве. Единомышленников. Такие союзы, как у Александра Миндадзе и Вадима Абдрашитова, как у Александра Адабашьяна и Никиты Михалкова.

— Хотелось бы услышать о вашей роли в фильме «Хозяйка детского дома». Был прототип у героини? Как давалась вам эта работа?

— Роль «Хозяйки детского